

Информация для цитирования:

Бахарев Д.В. Накануне ГУЛАГа: хроника борьбы за контроль над местами лишения свободы в 1927–1930 гг. // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2021. № 4(43). С. 5–15. DOI: 10.34988/2226-2326.2021.43.4.001.

For citation:

Bakharev D.V. Nakanune GULAGa: khronika bor'by za kontrol' nad mestami lisheniya svobody v 1927–1930 gg. [On the Eve of the GULAG: a Chronicle of the Struggle for Control above Penitentiary Institutions in 1927–1930]. *Journal of the Perm Institute of the FPS of Russia*, 2021, no. 4(43), pp. 5–15. (In Russ.). DOI: 10.34988/2226-2326.2021.43.4.001.

УДК 343.811

**НАКАНУНЕ ГУЛАГА: ХРОНИКА БОРЬБЫ ЗА КОНТРОЛЬ
НАД МЕСТАМИ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В 1927–1930 ГГ.**

Д.В. Бахарев¹

¹ ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России

614012, г. Пермь, ул. Карпинского, 125

E-mail: demetr79@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3922-3554

Аннотация. Введение: История становления и развития советской пенитенциарной системы в 1920–1930-х гг. всегда вызывала большой интерес как у отечественных, так и у зарубежных исследователей. Малоизученным аспектом являются теоретические дискуссии и аппаратные межведомственные стычки по поводу осуществления контроля за местами лишения свободы, происходившие в 1927–1930 гг. По сути, они послужили толчком к ликвидации НКВД РСФСР и передаче от него мест заключения Наркомату юстиции и затем НКВД СССР. Это способствовало трансформации советской карательной системы тюремного типа в систему колоний и лагерей, сохраняющую свои основные черты вплоть до сегодняшнего дня. **Цель:** На основе анализа печатных работ руководителей и ключевых функционеров ведомств – участников дискуссии дополнить и детализировать сложившуюся на сегодня картину теоретических споров и межведомственной борьбы за контроль в сфере исполнения уголовных наказаний на рубеже 1920–1930-х гг. **Методы:** Основу исследования составляет совокупность теоретических методов научного познания. **Результаты:** Установлено, что Наркомюст РСФСР (в лице Н.М. Янсона, Н.В. Крыленко, Ф.К. Трасковича) пытался использовать возникший в 1927–1928 гг. «перелимит» заключенных в учреждениях, подведомственных НКВД, для ослабления позиций его руководства (В.Н. Толмачев, Е.Г. Ширвиндт). В условиях начавшегося в 1928 г. роста уровня преступности и увеличения численности заключенных руководство Наркомюста требовало от НКВД неукоснительного соблюдения всех требований, установленных Исправительно-трудовым кодексом 1924 г., что было заведомо невыполнимо. Все это привело к ликвидации НКВД в декабре 1930 г. и разделении всего контингента заключенных между Наркомюстом и ОГПУ. **Выводы:** Трансформация советской системы мест заключения в «ГУЛАГ» являлась неизбежным следствием установившегося в СССР политического режима сталинской диктатуры. Одним из его неотъемлемых элементов являлись массовые репрессии, многократно увеличившие численность заключенных. Политическому руководству страны представлялось оптимальным их содержание в системе лагерей, предназначенных для пионерного освоения ресурсного потенциала отдаленных и (или) труднодоступных регионов страны.

Ключевые слова: уголовная политика; лишение свободы; НКВД; Народный комиссариат юстиции; ОГПУ; Крыленко; Ширвиндт; Сталин; коллективизация.

ON THE EVE OF THE GULAG: A CHRONICLE OF THE STRUGGLE
FOR CONTROL ABOVE PENITENTIARY INSTITUTIONS
IN 1927–1930

Dmitry V. Bakharev¹

¹ Perm Institute of the FPS of Russia
125, Karpinskogo st., Perm, Russia, 614012
E-mail: demetr79@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3922-3554

Abstract. Introduction: The history of the formation and development of the Soviet penitentiary system in the 1920s–1930s has always aroused great interest among both domestic and foreign researchers. At the same time, a relatively poorly studied aspect of the issue under consideration is theoretical discussions and interdepartmental management struggle for the control over penitentiary institutions that took place in 1927–1930. In fact, they served as the impetus for the liquidation of the NKVD of the RSFSR and the transfer of places of detention from it to the People's Commissariat of Justice and, ultimately, the NKVD of the USSR. And this, in its turn, contributed to the transformation of the Soviet punitive system of the prison type into a system of colonies and camps, which retains its main features up to the present day. **Aim:** Based on the analysis of the printed works of the heads and key functionaries of the departments participating in the discussion, to add and detail the current picture of the theoretical discussion and interdepartmental struggle for the control in the sphere of the execution of criminal punishments at the turn of 1920s–1930s. **Methods:** The research is based on a set of theoretical methods of scientific knowledge. **Results:** It was found that the People's Commissariat of Justice of the RSFSR (represented by N.M. Janson, N.V. Krylenko, F.K. Traskovich) tried to use the situation of overpopulation of prisoners which emerged in 1927–1928 in institutions subordinated to the NKVD, in order to weaken the positions of its leadership (V.N. Tolmachev, E.G. Shirvindt). In the context of the growth of the crime rate that began in 1928 (as a consequence of the beginning of collectivization) and the increase of the number of prisoners, the leadership of the People's Commissariat of Justice demanded that the NKVD unswervingly comply with all the requirements established by the Correctional Labor Code of 1924, which in those conditions was deliberately unfeasible. All this ultimately led to the liquidation of the NKVD in December 1930 and the division of the entire contingent of prisoners between the People's Commissariat of Justice and the OGPU. **Conclusions:** The transformation of the Soviet system of places of detention into the "GULAG" was an inevitable consequence of the political regime of the Stalinist dictatorship established in the USSR. One of its inalienable elements was massive repression, which multiplied the number of prisoners. For reasons of expediency, the political leadership of the country considered it optimal to keep them in the system of camps intended for the pioneering development of the resource potential of remote and (or) hard-to-reach regions of the country.

Keywords: criminal policy; imprisonment; NKVD; People's Commissariat of Justice; OGPU; Krylenko; Shirvindt; Stalin; collectivization.

(Окончание. Начало в номере 3(42)/2021)

Незадолго до открытия и во время работы Всесоюзного совещания пенитенциарных деятелей в журнале НКЮ РСФСР появляется ряд публикаций, содержащих критические нападки в адрес руководства и сотрудников ГУМЗ. В частности, С.Д. Файнблит в статье с «кричащим» за-

головком «Либеральная болтовня» обвинил Е.Г. Ширвиндта и Б.С. Утевского в извращенной трактовке Исправительно-трудового кодекса 1924 г. и в отстаивании «теории исправления всех и вся». «Искавления по отдельным практическим линиям (досрочное освобождение, зачет рабочих дней, переводы из разряда в разряд и т.д.), – писал Файнблит, – теоретически оправдывают т. Утевский и другие, прикрываясь... общи-

ми фразами о марксистском подходе...» [11, с. 955].

Следующим публичным выпадом в адрес руководства НКВД стала статья Я. Бранденбургского (члена коллегии НКЮ РСФСР и Законодательной комиссии СНК СССР), вышедшая как раз в период работы совещания [3, с. 1013–1014]. В отличие от резолюций этого совещания, исходивших «из необходимости дальнейшей рационализации действующих начал судебно-исправительной политики и их углубления» [11, с. 2], Бранденбургский в своей статье провозгласил необходимость коренного пересмотра карательной политики. По его мнению, она вызвана реализацией поручения правительства от 26 марта 1928 г. о разработке НКЮ и НКВД проекта закона, «вводящего в Исправительно-трудовой кодекс правоответствующих органов ставить вопрос о необходимости продления сроков или принятия новых мер социальной защиты в отношении лиц, не поддающихся исправлению»¹. Изложив содержание формулировок двух новых статей УК о механизме реализации относительно-неопределенных и дополнительных приговоров, предлагаемых Наркомюстом, Бранденбургский, наконец, перешел к главному тезису всей статьи, ради обоснования которого, по всей видимости, и затевались сами поправки. «Эти... изменения, – писал он, – пока ничего существенного не вносят, но дальнейший пересмотр карательной политики несомненно вызовет и крупное изменение всего нашего исправительно-трудового дела, вплоть до постановки вопроса о передаче самих мест заключения в ведение НКЮ (курсив автора, орфография и пунктуация здесь и далее сохранены. – Д. Б.). Чрезвычайно вреден тот разрыв, который сейчас существует в руководстве карательной политикой, с одной стороны, и политикой пенитенциарной – с другой...» [3, с. 1014].

Наконец, решающее, теперь уже консолидированное «наступление» на позиции НКВД руководство Наркомюста, по всей видимости, планировало организовать на VI Съезде прокурорских, судебных и следственных работников РСФСР, определив в п. 5 его повестки доклад Ф.К. Трасковича «Исправительно-трудовая политика» [1, с. 973]. В декабре 1928 г. были опубликованы тезисы к пленарным докладам на этом съезде, в т.ч. и к указанному докладу [8, с. 1194–1197]. В них был представлен достаточно обширный перечень мероприятий, направленных на совершен-

ствование государственной политики в указанной сфере. Однако прежде всего автор доклада назвал несколько причин, вызывающих необходимость проведения реформы пенитенциарной сферы, при этом главная из них, по его мнению, заключалась в том, что «успешная борьба с преступностью зависит не только от правильной работы розыскных, следственных и судебных органов, но и от реального выполнения судебных приговоров. Поэтому необходимы строгая согласованность и единство в руководстве уголовно-судебной и исправительной трудовой политикой» [8, с. 1194]. «Существующее положение вещей, – констатировал Траскович, – не удовлетворяет этому требованию и характеризуется отсутствием согласованности и наличием разрыва между уголовно-судебной и исправительно-трудовой политикой и практикой». «Ввиду этого... – заключал он, – необходимо... передать места заключения из ведения НКВД в ведение НКЮ» [8, с. 1196].

Однако у правительства республики на этот счет было иное мнение. Об отклонении ходатайства Наркомюста перед СНК РСФСР о передаче в его ведение мест заключения сообщил сам нарком Н.М. Янсон, выступая на пленарном заседании съезда работников юстиции 20 февраля 1929 г. «Я считал бы неправильным, – заявил он делегатам съезда, – если бы я вам не сообщил о тех затруднениях, которые стоят перед нами уже по дороге проведения этого нашего требования в жизнь. Я надеюсь на то, что мы добьемся осуществления этого предложения... Но пройдет некоторое время прежде, чем мы этого добьемся. В ближайшее время нам осуществить этого не удастся... Пока же мы имеем, и я надеюсь, что это получит одобрение правительства, специальный пункт в проекте резолюции СНК РСФСР следующего содержания: "Признать целесообразным устраивать регулярные совещания в составе народного комиссара внутренних дел, народного комиссара юстиции и уполномоченного представителя Объединенного государственного политического управления при Совете народных комиссаров РСФСР (так указано в тексте, правильно «СССР»). – Д. Б.) в целях координации всех вопросов по проведению карательной политики между органами Народного комиссариата юстиции, Народного комиссариата внутренних дел и Объединенного государственного политического управления. Созыв этих совещаний возложить на

¹ Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров РСФСР по докладам Народного комиссариата юстиции и Народного комиссариата внутренних дел о карательной политике и состоянии мест заключения (Протокол ВЦИК № 49 от 26/III–28 г., п. 6) // Ежедневник советской юстиции. 1928. № 14. С. 417.

народного комиссара юстиции"» [2, с. 210]. «Так как нет надежды, что мы в ближайшее время можем получить места заключения в ведение Наркомата юстиции, — констатировал в итоге Янсон, — мы будем на этом совещании разрешать все вопросы, касающиеся карательной политики, работы в местах заключения и т.д.» [2, с. 210].

Тем не менее ход последующих событий показал, что это был лишь временный неуспех Наркомюста, обернувшийся в конечном счете победой над НКВД. Впрочем, руководство НКЮ смогло добиться ее лишь в союзе с ОГПУ и праздновало свой аппаратный успех недолго: уже в октябре 1934 г. все места лишения свободы, подчиненные Наркомату юстиции, были переданы союзному НКВД, созданному незадолго до этого¹.

Анализ этапов развития данной ситуации в работах историков [5, с. 161–166; 14, pp. 48–54] опирается на корпус ранее засекреченных документов, впервые опубликованных в уже упоминавшейся статье С.А. Красильникова. Напомним вкратце хронологию этих событий.

13 апреля 1929 г. в СНК РСФСР направляется докладная записка, подписанная всеми участниками вновь созданной комиссии, о которой упоминал Янсон. В ней указывалось, что сложившаяся практика применения лишения свободы «оказалась весьма дорогостоящей государству; повела к переполнению тюремного населения сверх всякой нормы и сделала приговор суда совершенно нереальным». «Нет никакого сомнения, — указывалось далее, — что проведение в жизнь директив правительства о максимальном сокращении практики применения краткосрочного заключения и настойчивая необходимость полного осуществления приговоров к долгосрочным, должны привести к переходу от системы ныне существующих мест заключения к системе концлагерей, организованных по типу лагерей ОГПУ, как гарантирующей реальное проведение карательной политики и несомненное значительное снижение расходов на содержание заключенных» [7, с. 143–144]. Далее в документе указывалось, что «в связи с тем, что СНК своим постановлением от 1/II–29 г. и ВЦИК от 25/II–29 г. предложил ОГПУ в качестве единовременной меры изолировать в концлагеря ОГПУ около 8 000 человек: воров, рецидивистов, уголовников, конокрадов и т. п., ныне содержащихся в местах лишения свободы, перед нами стал во-

прос о необходимости срочной организации нового концлагеря емкостью примерно в 10 000 человек. Увязывая такое положение с вышеизложенными соображениями, мы вносим в СНК следующие предложения: 1. Всех лиц, осужденных на срок от 3-х лет и выше, использовать для колонизации наших северных окраин и разработки имеющихся там природных богатств. 2. Для этой цели поручить ОГПУ организовать концлагеря по типу Соловецкого, избрав для них район Олонца, Ухты. 3. Емкость лагерей определить в 30 000 человек» [7, с. 144].

13 мая 1929 г. по результатам рассмотрения данной записки Политбюро ЦК ВКП (б) было принято постановление «Об использовании труда уголовных арестантов», предусматривавшее переход «на систему массового использования за плату труда уголовных арестантов, имеющих приговор не менее трех лет, в районе Ухты, Индиги и т.д.». Этим же документом комиссии в составе Янсона, Ягоды, Крыленко, Толмачева и Угланова предписывалось «подробно рассмотреть вопрос и определить конкретные условия использования арестантского труда на базе существующих законов и существующей практики»².

Заседание указанной комиссии состоялось уже 15 мая 1929 г. Его открыл Н.М. Янсон. «Указывая на широчайшие возможности рационального использования труда заключенных, — отмечалось в протоколе заседания, — т. Янсон останавливается на вопросе о лесных разработках на Севере, о наших колонизаторских задачах по отношению к нему и, таким образом, делает вывод о целесообразности постепенной замены существующих ныне мест заключения (трудисправдомов) концентрационными лагерями. Учитывая существующий уже у органов ОГПУ опыт организации и управления такими лагерями (Соловки, Вишера), т. Янсон высказывается за передачу этого дела ОГПУ, изъяв, таким образом, места лишения свободы от НКВД для лиц, осужденных на долгие сроки» [7, с. 145].

Первым в прениях выступил Г.Г. Ягода (первый заместитель председателя ОГПУ), заявив, что «необходимо и возможно уже теперь вывести из мест заключения по РСФСР 10 000 чел., труд которых может быть правильно организован и использован». «Совершенно очевидно, — подчеркнул он, — что политика советской власти и строительство новых тюрем несовместимы. На новые тюрьмы никто денег не

¹ Собрание законов СССР. 1934. № 40, ст. 247.

² Об использовании труда уголовных арестантов: протокол ПБ от 16 мая 1929 г. № 80, п. 30 // Официальный сайт «Документы советской эпохи» портала «Архивы России». URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/73341> (дата обращения: 15.11.2021).

даст. Другое дело – постройка больших лагерей с рационально поставленным использованием труда в них» [7, с. 145].

Коалиционное выступление Наркомюста и ОГПУ против НКВД, по всей видимости, вызвало замешательство у главы данного ведомства Толмачева, подобравшего в ответ не самые убедительные аргументы. «Тов. Толмачев опасается, – указывалось в протоколе, – что ОГПУ не справится с этими хозяйственными задачами... Кроме того, создание лагерей нам невыгодно и политически: пойдут среди белой эмиграции и буржуазных государств разговоры о том, что мы вместо хваленной пенитенциарной системы с исправительно-трудовым воздействием создали чекистский застенок» [7, с. 146]. Однако большинство членов комиссии (за исключением наркома труда СССР Н.А. Угланова [7, с. 145]) высказалось в поддержку позиции наркомата юстиции и ОГПУ. В своем заключительном слове Янсон еще более усилил нажим на НКВД, «развивая мысль, изложенную в своей информации, решительно высказываясь за передачу этого дела ОГПУ». Далее Янсон вообще заявил: «В перспективе мы будем изымать всех работоспособных заключенных и отправлять их в лагеря... Таким образом, в исправтруддомах останутся только две группы заключенных: подследственные и лишенные свободы на срок от одного до трех лет. Естественно, встанет вопрос о передаче исправтрудомов в ведение НКЮ или, в крайнем случае (но это, по-моему, будет, нецелесообразно), придется поделить заключенных с тем, что следственные будут числиться за прокуратурой, а срочные – за НКВД» [7, с. 146]. Остается лишь предположить, что Толмачев истолковал этот достаточно прозрачный намек Янсона так: «Будешь сопротивляться – лишим тебя вообще всего». Во всяком случае, возражений со стороны наркома внутренних дел больше не последовало.

В итоге комиссия постановила: «1. Поручить ОГПУ приступить к организации концентрационного лагеря в районе Ухты, для чего необходимо отпустить уже в текущем году 1 200 000 рублей. 2. Поручить ОГПУ, совместно с НКЮ и НКВД, установить контингент лиц, направляемых во вновь организуемый концлагерь...». Также было решено создать подкомиссию (т.т. Боккий, Траскович, Ширвиндт) для решения ряда практических задач по организации данного лагеря, в т.ч. «определения числа подлежащих направлению туда заключенных в первую и после-

дующие очереди» [7, с. 146].

17 мая 1929 г. Н.М. Янсон подал в ЦК ВКП (б) на имя Сталина докладную записку, в которой сообщил о принятых комиссией решениях. «Организацию лагеря, – писал он, – и управление им предложено нами поручить ОГПУ, ввиду имеющегося уже у него опыта и организационных навыков (Соловки, Вишера)» [7, с. 147].

23 мая Политбюро своим постановлением утвердило и «предложение комиссии о поручении ОГПУ приступить к организации концентрационного лагеря в районе Ухты», и выделение требуемой суммы¹.

Далее, 1 июня 1929 г. В.Н. Толмачев подает в Политбюро записку, в которой (вероятно, при непосредственном участии Е.Г. Ширвиндта) попытался, во-первых, прояснить позицию своего ведомства по вопросу организации и подчиненности вновь создаваемых лагерей, а во-вторых, получить конкретный ответ на вопрос: какое ведомство будет в дальнейшем исполнять приговоры к лишению свободы? Руководитель НКВД предварительно постарался заручиться поддержкой Правительства РСФСР. Его письмо сопровождалось письмом первого заместителя председателя СНК РСФСР А.А. Смирнова, в котором указывалось: «Совет народных Комиссаров РСФСР присоединяется к соображениям тов. Толмачева... и просит о срочном рассмотрении записки и дачи на основании ее соответствующих директив» [7, с. 156].

Конкретно же в записке говорилось, что последними постановлениями Правительства РСФСР «перед НКВД ставится задача использования труда заключенных в целях колонизации на работах в отдаленных местностях... Выполняя эту директиву Правительства НКВД разрабатывает план, связанный с перспективами экономического развития отдаленных местностей... и рассчитанный, главным образом, на комбинирование мелиоративных, дорожных, строительных, недроразрабатывающих и лесозаготовительных работ... Одновременно НКВД ведутся и частью заканчиваются практические переговоры с рядом местных организаций, а также хозяйственных предприятий, без участия которых немыслима более или менее широкая и целесообразная постановка этого дела». «Постановление Политбюро о переходе на систему массового использования за плату труда уголовных арестантов, имеющих приговор не менее 3-х лет, подтверждает правильность намеченных Правительством в об-

¹ Об использовании труда уголовных арестантов: протокол ПБ от 23 мая 1929 г. № 81, п. 18 // Официальный сайт «Документы советской эпохи» портала «Архивы России». URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/73380> (дата обращения: 15.11.2021).

ласти карательной политики мероприятий в этом направлении. Таковы практика и существующее законодательство по этому вопросу», – заключал свой обзор сложившейся ситуации глава Наркомвнудела [7, с. 148].

«Однако, – писал далее Толмачев, – несмотря на указание Политбюро, что Комиссией должны быть определены “конкретные условия использования арестантского труда” – именно – “на базе существующих законов и практики”, вопрос переносится в порядке практической его проработки (НКЮ и ОГПУ) в плоскость передачи функций НКВД по организации лишения свободы и принудительных работ в Органы ОГПУ, а НКЮ, несмотря на недавнее отклонение его предложений о передаче в его ведение мест заключения, пытается частично провести его, требуя передачи в ведение НКЮ следственных заключений (так в тексте. – Д. Б.)» [7, с. 148]. «Между тем, – твердо заявлял Толмачев, – для такой постановки вопроса нет никаких оснований, т.к. вся директива Политбюро может быть реализована специально для этого существующим аппаратом НКВД (ГУМЗ), без всякой организационной ломки на основе существующих законов и в соответствии с общей нашей линией карательной политики» [7, с. 149]. «Исходя из всего сказанного, прошу указания Политбюро, имелась ли в виду с принятием его постановления от 13 мая 1929 г. передача исполнения приговоров к лишению свободы в Органы ОГПУ, или же работа эта будет продолжаться НКВД на базе существующих законов в пределах установленного разграничения функций, что не исключает, конечно, координации мероприятий НКВД и ОГПУ во всех необходимых случаях при проведении директивы Политбюро об использовании труда определенных категорий заключенных на работах вне тюрьмы» [7, с. 150].

Содержание этого документа в определенной мере проясняет глубинные мотивы всех участвующих в аппаратном противостоянии сторон, а в сочетании с другими источниками дает возможность реконструировать «теневую» сторону всех рассматриваемых событий.

Сегодня можно констатировать, что кризисное состояние мест заключения, подчиненных ГУМЗ НКВД РСФСР, в конце 1920-х гг. было обусловлено не только переполнением мест лишения свободы в результате уголовно-судебной политики, проводимой Наркоматом юстиции, но и закрепленной в ИТК РСФСР 1924 г. прогрессивной системой отбывания наказания в виде лишения свободы. Она реализовывалась посред-

ством деления всех заключенных на категории и разряды. Категория (первая, вторая и третья) определяла вид места заключения, в котором осужденное лицо будет первоначально отбывать наказание, а разряд (начальный, средний и высший) – комплекс прав и привилегий заключенного, а также возможность условно-досрочного освобождения (имевшуюся только у осужденных высшего разряда). Так, в первую категорию попадали все осужденные со строгой изоляцией (как правило, на срок более 3-х лет), направлявшиеся, соответственно, в изоляторы специального назначения. Ко второй категории относились профессиональные преступники, а также «нетрудящиеся, совершившие преступление в силу своих классовых привычек» [6, с. 36–37]. Напомним, что в отношении лиц из первой категории исключалась возможность их вывода на работы за пределы изолятора, а принадлежащие ко второй категории профессиональные преступники-рецидивисты сами по себе являлись малопригодным и низкоэффективным в трудовом отношении контингентом. В результате значительные затраты бюджета ГУМЗ на содержание заключенных обеих категорий фактически имели нулевую окупаемость. Постановлением же Правительства от 28.03.1928 продвижение лиц из обеих категорий в следующий разряд было существенно ограничено и поставлено под особый контроль.

В результате по данным, приводимым В.Н. Толмачевым в его записке в Политбюро, среди осужденных на срок до 3-х лет, содержащихся в госбюджетных учреждениях, доля профессиональных уголовников на 01.02.1929 составляла примерно треть (более 17 тыс. чел.) [7, с. 149]. Таким образом, одни только преступники-рецидивисты представляли настоящую обузу для ГУМЗ, и оно не оставляло попыток от них избавиться, в частности, лоббируя через СНК РСФСР периодическую частичную передачу этого контингента в ведение ОГПУ, о чем и свидетельствует содержание докладной записки от 13.04.1929.

Переговоры, предшествовавшие, по всей видимости, составлению и согласованию данного документа, привели к выработке условий, первоначально, судя по всему, представлявшихся выгодными и НКВД, и ОГПУ. Согласившись на принятие из ГУМЗ 8 тыс. преступников-рецидивистов, ОГПУ получило возможность ходатайствовать о дополнительном финансировании в размере 2 млн 350 тыс. рублей для организации нового лагеря с лимитом наполнения

в 10 тыс. чел. Силами этого контингента заключенных предполагалась организация других лагерей (колоний) подобного типа с емкостью уже в 30 тыс. человек, как мы предполагаем, для последующего перевода туда заключенных из изоляторов специального назначения ГУМЗ. При этом только расходы на содержание этого контингента, как отмечалось в записке, должны были сократиться в два с половиной раза [7, с. 144], не говоря уже о получении НКВД возможности использовать его на работах. Именно такими рациональными мотивами, как можно предполагать, руководствовался Толмачев при согласовании указанной докладной записки. Свое же теоретическое обоснование они получают в статье Е.Г. Ширвиндта, в которой он писал, что типом вновь создаваемой сети учреждений «должны явиться лесозаготовительные колонии в северных местностях нашего Союза, или дорожные, мелиоративные, недроразрабатывающие и т.п. колонии в местностях, где достаточной рабочей силы не имеется, либо из-за дальности расстояния, либо из-за трудности работ и т.д.». «К тому же, – добавлял Ширвиндт, – такие именно колонии скорее, чем какие-либо другие исправительно-трудовые учреждения, смогут перейти на самокупаемость и уменьшить ассигнования, отпускаемые по госбюджету...» [13, с. 35]. Однако анализ записки Толмачева в Политбюро говорит о том, что руководство НКВД было жестоко обмануто в своих ожиданиях.

Действительно, подписав совместно с представителями НКЮ и ОГПУ записку от 13.04.1929, Толмачев фактически расписался в недееспособности своего ведомства по линии исправительно-трудового дела. Ведь получалось, что ни «справиться» с рецидивистами, ни решить проблему изоляторов без посторонней помощи Наркомат внутренних дел был не в состоянии. А ОГПУ, напротив, все это было по силам. Именно в таком виде (исходя из дискуссии, состоявшейся 15.05.1929), вероятно, и была представлена ситуация членам Политбюро тандемом руководителей ОГПУ и НКЮ. Ведь не зря Толмачев даже начал свою записку от 01.06.1929 указанием на то, что «не имел возможности присутствовать в ПБ (Политбюро. – Д. Б.) при обсуждении вопроса об использовании труда уголовных арестантов» и сослался на выписку из протокола этого заседания [7, с. 148]. Однако эта записка все же сыграла свою роль – заключенных на срок до 3-х лет и следственно-арестованных было решено оставить за НКВД.

Тем не менее, отстоять и эту позицию руко-

дству Наркомвнудела удалось не без труда. Заявление Толмачева было передано из Политбюро в ту же комиссию из представителей заинтересованных ведомств (дополнительно в ее состав был включен представитель прокуратуры по надзору за ОГПУ Р.П. Катанян [7, с. 156]) в связи с тем, что, как пояснил Н.М. Янсон на ее повторном заседании 13 июня 1929 г., «комиссия еще не закончила своих работ и тем самым для Политбюро не ясно, разойдется ли в окончательных выводах с комиссией тов. Толмачев» [7, с. 150]. Далее на заседании выяснилось, что организованная ранее подкомиссия (Ширвиндт, Траскович и Боккий) не пришла к единому мнению по поставленным перед ней вопросам. Ширвиндт заявил, что он не согласен с постановлением подкомиссии, разойдясь во мнении с остальными ее членами, о чем подал особое мнение [7, с. 150–151]. Судя по дальнейшим выступлениям, можно предположить, что глава ГУМЗ выступал против передачи вновь создаваемых лагерей ОГПУ. Так, в ответ на его возражения Катанян отметил, что «НКВД и сам тов. Ширвиндт и теперь нередко обращается в ОГПУ с просьбой принять из м[ест] з[аключения] сотни и тысячи лишенных свободы в концлагеря». Представитель же ОГПУ Ягода вообще заявил, что «постановка вопросов НКВД – несерьезна. В Политбюро ни у кого и мысли не было, что лагеря могут быть организованы не ОГПУ. У НКВД еще и сейчас остается возможность хорошо организовать использование труда лишенных свободы от 1 до 3-х лет». Их поддержал и Ф.К. Траскович, повторив свой старый тезис о том, что «работа НКВД по руководству местами заключения себя не оправдала...» [7, с. 151]. В поддержку позиции Ширвиндта выступил В.Н. Толмачев, а также частично Н.А. Угланов, который предложил «всех осужденных без строгой изоляции оставлять в местах заключения, подведомственных НКВД, и, наоборот, имеющих судимости, а по последнему приговору осужденных, хотя бы на срок менее трех лет, передавать в концентрационные лагеря» [7, с. 151].

Окончательный вариант решения сформулировал Янсон, при этом, смягчив свою предыдущую позицию, он, вероятно, дальновидно решил не обострять ситуацию «до предела». «Комиссия считает необходимым, – предложил он, – [следующее] разграничение: концлагеря – передать ОГПУ, колонии с лишенными свободы до 3-х лет – за НКВД. Подследственных надо тоже оставить за НКВД, так как не имеет смысла дробить места лишения свободы между двумя ведомствами (НКЮ и НКВД)» [7, с. 151]. Сразу

после Янсона вновь выступил Ягода, фактически вынуждая руководство НКВД согласиться с такими условиями. Он высказался за то, чтобы «в лагерь посылались все лишние свободы до 3-х лет, а не после 3-х лет, так как иначе контингент для концентрационных лагерей будет недостаточен» [7, с. 152]. Это была явная угроза, поскольку к февралю 1929 г. численность заключенных первой из упомянутых Ягодой категорий превышала численность второй более чем вдвое [7, с. 149]. На Толмачева, Угланова и Ширвиндта она, по всей вероятности, подействовала, поскольку никаких возражений с их стороны в протоколе заседания комиссии больше зафиксировано не было.

Итоговые предложения комиссии были утверждены постановлением Политбюро от 27.06.1929 № 8 «Об использовании труда уголовно-заключенных», в п. 1 которого говорилось: «Осужденных судебными органами Союза и союзных республик к лишению свободы на сроки на три года и выше, передать и передавать впредь для отбытия лишения свободы в лагерь, организуемые ОГПУ...»¹.

Последняя попытка Наркомата внутренних дел вернуть себе трудоспособный контингент из числа осужденных на длительные сроки предпринимается летом 1930 г. Воспользовавшись тем, что руководство краев и областей РСФСР поддержало НКВД в, казалось бы, уже проигранной им битве [7, с. 156], в начале августа этого года заместитель наркома Е.Г. Ширвиндт направляет в правительство СССР записку, в которой просит пересмотреть решение об обязательной передаче осужденных в лагерь ОГПУ. Это ходатайство поддержал перед союзным правительством Председатель Совнаркома РСФСР С.И. Сырцов [10, с. 215].

Для разбора ситуации в СНК СССР была создана специальная комиссия под председательством наркома труда А.М. Цихона. 24 августа комиссия большинством голосов выносит следующее решение: «Принимая во внимание, что лишние свободы от 3-х лет и выше являются в большинстве своем наиболее социально опасным элементом и, что производимые органами ОГПУ по заданиям правительства работы, имеют не менее важное общегосударственное значение, чем работы, производимые органами НКВД РСФСР,

считать передачу лишенных свободы на срок выше 3-х лет, для использования их на работах в колониях и фабриках НКВД РСФСР нецелесообразным» [7, с. 156]. Тем не менее 31 августа 1930 г. на совещании заводов председателя СНК СССР А.И. Рыкова было решено: «Принять, что лишние свободы на срок свыше трех лет, поскольку они могут быть использованы на работах в колониях и на фабриках НКВнудела, должны быть оставлены за ним» [10, с. 215]. Однако такой вариант развития событий не мог устроить ни ОГПУ, ни лично Сталина.

Так, 3 сентября 1930 г. председатель ОГПУ В.Р. Менжинский направляет в Политбюро записку, указывая в ней, помимо прочего, что «в настоящее время ОГПУ считает совершенно невозможным пребывание наиболее социально-опасного элемента на полусвободных работах в колониях и на фабриках НКВД, сплошь и рядом находящихся в центральной России», и требуя отмены постановления Совещания заводов от 31.08.1930 [7, с. 154]. Однако, по всей видимости, еще раньше о разрастающемся конфликте извещается Сталин, который рассматривает его уже не как очередной этап затянувшейся междоусобицы, а как «вылазку» своих политических оппонентов. Уже 7 сентября, находясь в отпуске на черноморском побережье, он в письме В.М. Молотову пишет: «Говорят, что хотят отобрать у ОГПУ уголовных (свыше трех лет) в пользу НКВнудел. Это происки прогнившего насквозь Толмачева. Есть и кое-что от Сырцова, с которым заигрывает Рыков. Я думаю, что решения ПБ надо проводить, а НКВнудел – закрыть» [10, с. 214].

Далее события развивались по аппаратным меркам стремительно. 5 октября Политбюро вновь рассматривает вопрос «Об использовании труда уголовно-заключенных» и постановляет «остаться при прежнем решении Политбюро от 27 июня 1929 г.»². А уже 5 декабря 1930 г. оно утверждает постановление о расформировании наркомвнуделов союзных и автономных республик³, за которым следует соответствующее постановление ЦИК и СНК СССР от 15 декабря 1930 г., в п. 11 которого говорилось: «Места заключения, находящиеся в ведении ликвидированных народных комиссариатов внутренних дел, организацию ссылки с принудительны-

¹ Об использовании труда уголовно-заключенных: протокол ПБ от 27 июня 1929 г. № 86, п. 11 // Официальный сайт «Документы советской эпохи» портала «Архивы России». URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/73622> (дата обращения: 15.11.2021).

² Об использовании труда уголовно-заключенных: протокол ПБ от 5 октября 1930 г. № 11, п. 23 // Официальный сайт «Документы советской эпохи» портала «Архивы России». URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/77035> (дата обращения: 15.11.2021).

³ О Наркомвнуделе: протокол ПБ от 5 декабря 1930 г. № 17 г., п. 22 // Официальный сайт «Документы советской эпохи» портала «Архивы России». URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/77584> (дата обращения: 15.11.2021).

ми работами и самих принудительных работ без содержания под стражей передать в ведение народных комиссариатов юстиции союзных республик»¹. Однако этот бюрократический «триумф» Наркомюста, как уже было указано, оказался недолговечным: уже в 1934 г. места заключения были переданы из НКЮ в юрисдикцию НКВД СССР.

Заключение

Суть аппаратных интриг коалиции Наркомюста и ОГПУ против Наркомата внутренних дел в вопросе о контроле над местами лишения свободы вполне уместно было бы выразить следующей формулой: «Циники против идеалистов». И победитель в такой схватке, разумеется, был известен заранее.

Страна, которая на фоне свертывания НЭПа, продразверстки, раскулачивания, коллективизации и всех остальных сталинских «начинаний» стремительно превращалась в один сплошной «лагерь», не нуждалась ни в дифференцированной системе мест лишения свободы, ни в прогрессивной системе отбывания наказания, ни в системе многочисленных льгот для заключенных и возможностей для их досрочного освобождения и постпенитенциарной поддержки, и вообще ни в каких других прогрессивных элементах советской исправительно-трудовой политики, «завоевания» которой продолжали пропагандировать Е.Г. Ширвиндт и его коллеги по ГУМЗ (Ю. Бехтерев, М. Кесслер, В. Якубсон, Б. Утевский и др.). Они слишком долго «цеплялись» за теорию «исправления» – центральный элемент их главного «детища», Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 г. (хотя фактически крах этой теории, по верному замечанию американского исследователя П. Джувилера, был предопределен кризисом тюремного перенаселения 1927–1928 гг. [15, р. 33]).

А в это время ход событий уже вынес на повестку дня новую задачу – «классового подавления» [9, с. 61–62], решать которую предполагалось, поставив осужденных «в условия, преграждающие им возможность совершения действий, наносящих ущерб социалистическому строительству» (ст. 2 ИТК РСФСР 1933 г.²). Попутно же государство предполагало снижать издержки на содержание все возрастающего в местах лишения

свободы контингента, состоявшего преимущественно из «врагов народа» и представителей «деклассированного элемента», а также с его помощью приступить к освоению природных богатств отдаленных районов страны. При этом единственным способом одновременного решения всех трех задач была трансформация уже существующих мест заключения в систему лагерей и колоний.

Поняв, что перемены неизбежны, руководство НКВД все-таки попыталось получить право на развертывание параллельно с ОГПУ своей лагерьной системы, предполагая распространить на ее заключенных положения ИТК РСФСР 1924 г. Однако для реализации этой задачи у Толмачева и его ведомства объективно не было ни необходимой материально-ресурсной базы, ни политической поддержки в высших эшелонах власти. Отдельный трагический оттенок исходу сложившейся ситуации придавала и дальнейшая судьба упомянутых руководителей НКВД: В.Н. Толмачев в 1937 г. был расстрелян, а Е.Г. Ширвиндт в этом же году был арестован и осужден на 10 лет ИТЛ. К счастью, ему удалось уцелеть в заключении, выйти на свободу и добиться в 1955 г. своей реабилитации. Однако уже вскоре, в 1958 г., он скончался [4, с. 130].

Таким образом, трансформация раннесоветской системы мест заключения в «ГУЛАГ» являлась неизбежным следствием установившегося в СССР политического режима сталинской диктатуры. Одним из его неотъемлемых элементов являлись массовые репрессии, многократно увеличившие число приговоренных к лишению свободы. Соображения же политической, финансовой и хозяйственной целесообразности, которыми в первую очередь руководствовались Сталин и его окружение, диктовали необходимость содержания заключенных в трудовых лагерях, предназначенных для пионерного освоения ресурсного потенциала отдаленных и (или) труднодоступных регионов страны. Всякий иной взгляд на теорию и практику реализации советской исправительно-трудовой политики в тот период (Е.Г. Ширвиндт и В.Н. Толмачев) противоречил стремительно крепнущей в стране идеологии сталинизма и был обречен на уничтожение и длительное забвение.

¹ О ликвидации народных комиссариатов внутренних дел союзных и автономных республик: постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 15.12.1930. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917–1952 гг. М.: Госюриздат, 1953. С. 367.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. VI Съезд прокурорских, судебных и следственных работников РСФСР // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 36/37. С. 973.
2. VI Съезд прокурорских, судебных и следственных работников РСФСР // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 9/10. С. 194–233.
3. Бранденбургский Я. Первый шаг к пересмотру нашей карательной политики // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 38/39. С. 1013–1014.
4. Евсей Густавович Ширвиндт // Советское государство и право. 1958. № 12. С. 130.
5. Иванова Г.М. История ГУЛАГа. 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. М.: Наука, 2006. 437 с.
6. Исправительно-трудовое дело в вопросах и ответах / Ю. Бехтерев, М. Кесслер, Б. Утевский; под ред. Е.Г. Ширвиндта. М.: Издательство Народного комиссариата внутренних дел РСФСР, 1930. 188 с.
7. Красильников С.А. Рождение ГУЛАГа: дискуссии в верхних эшелонах власти // Исторический архив. 1997. № 4. С. 142–156.
8. Об исправительно-трудовой политике (Тезисы к докладу тов. Трасковича на VI Съезде прокурорских, судебных и следственных работников РСФСР) // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 46/47. С. 1194–1197.
9. От тюрем к воспитательным учреждениям: сборник статей / Ин-т уголовной и исправительно-трудовой политики при прокуратуре СССР и НКЮ РСФСР; под общ. ред. А.Я. Вышинского. М.: Советское законодательство, 1934. 452 с.
10. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову, 1925–1936 гг.: сб. документов. М.: Изд. центр «Россия молодая», 1995. 303 с.
11. Файнблит С. Либеральная болтовня (Ответ т. Утевскому) // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 35. С. 955–956.
12. Ширвиндт Е. Директивы даны – надо их выполнить // Административный вестник. 1929. № 4. С. 2–10.
13. Ширвиндт Е. Преодоление тюрьмы // Административный вестник. 1929. № 5. С. 33–35.
14. Applebaum A. Gulag: A History. New York: Anchor Books, 2004. 677 p.
15. Juviler P. Revolutionary Law and Order: Politics and Social Change in the USSR. New York: Free Press, 1976. 274 p.

REFERENCES

1. VI S"ezd prokurorskikh, sudebnykh i sledstvennykh rabotnikov RSFSR [VI Congress of Prosecutors, Judicial and Investigative Workers of the RSFSR]. *Soviet Justice Weekly*, 1928, no. 36/37, p. 973. (In Russ.).
2. VI S"ezd prokurorskikh, sudebnykh i sledstvennykh rabotnikov RSFSR [VI Congress of Prosecutors, Judicial and Investigative Workers of the RSFSR]. *Soviet Justice Weekly*, 1929, no. 9/10, pp.194–233. (In Russ.).
3. Brandenburgskii Ya. Pervyi shag k peresmotru nashei karatel'noi politiki [The First Step towards Redefining Our Punitive Policies]. *Soviet Justice Weekly*, 1928, no. 38/39, pp. 1013–1014. (In Russ.).
4. Evsei Gustavovich Shirvindt [Evsei Gustavovich Shirvindt]. *Soviet State and Law*, 1958, no. 12, p. 130. (In Russ.).
5. Ivanova G.M. *Istoriya GULAGa. 1918–1958: sotsial'no-ekonomicheskii i politiko-pravovoi aspekty* [The History of the GULAG. 1918-1958: Socio-Economic and Political-Legal Aspects]. Moscow, The Science, 2006, 437 p. (In Russ.).
6. *Ispravitel'no-trudovoe delo v voprosakh i otvetakh* [Correction in Questions and Answers]. Moscow, Publishing House of the People's Commissariat of Internal Affairs of the RSFSR, 1930, 188 p. (In Russ.).
7. Krasil'nikov S.A. Rozhdenie GULAGa: Diskussii v verkhnikh eshelonakh vlasti [The Birth of the GULAG: Discussions in the Upper Echelons of Power]. *Historical Archive*, 1997, no. 4, pp. 142–156. (In Russ.).
8. Ob ispravitel'no-trudovoi politike (Tezisy k dokladu tov. Traskovicha na VI S"ezde prokurorskikh, sudebnykh i sledstvennykh rabotnikov RSFSR) [On Correction's Policy (Theses to the Report of

Comrade Traskovich at the VI Congress of Prosecutors, Judicial and Investigative Workers of the RSFSR)]. *Soviet Justice Weekly*, 1928, no. 46/47, pp.1194–1197. (In Russ.).

9. *Ot tyurem k vospitatel'nyim uchrezhdeniyam* [From Prisons to Education Institutions]. Ed. A.Ya. Vyshinsky. Moscow, Soviet Legislation, 1934, 452 p. (In Russ.).

10. *Pis'ma I.V. Stalina V.M. Molotovu, 1925–1936 gg.* [I.V. Stalin's Letters to V.M. Molotov, 1925–1936]. Moscow, Ed. center «Young Russia», 1995, 303 p. (In Russ.).

11. Fainblit S. Liberal'naya boltovnya (Otvet t. Utevskomu) [Liberal Chatter (Answer to Comrade Utevsky)]. *Soviet Justice Weekly*, 1928, no. 35, pp. 955–956. (In Russ.).

12. Shirvindt E. Direktivy dany – nado ikh vypolnit' [Directives are given – We Need to Fulfill them]. *Administrative Bulletin*, 1929, no. 4, pp. 2–10. (In Russ.).

13. Shirvindt E. Preodolenie tyur'my [Overcoming the Prison]. *Administrative Bulletin*, 1929, no. 5, pp. 33–35. (In Russ.).

14. Applebaum A. *Gulag: A History*. New York, Anchor Books, 2004, 677 p. (In Eng.).

15. Juviler P. *Revolutionary Law and Order: Politics and Social Change in the USSR*. New York, Free Press, 1976. 274 p. (In Eng.).

Информация об авторе:

Бахарев Дмитрий Вадимович,

профессор кафедры публичного права факультета
внебюджетного образования

ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России,

доктор юридических наук, доцент

E-mail: demetr79@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3922-3554

Information about the author:

Dmitry V. Bakharev,

Professor of the Department of Public Law
of the Faculty of Extrabudgetary Education

of the Perm Institute of the FPS of Russia,

Doctor in Law (habilitated degree), Associate Professor

E-mail: demetr79@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3922-3554